УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93; 087.5; 808.1
DOI 10.23951/1609-624X-2017-2-97-101

«ПЕРВАЯ СКАЗКА» («ПРИНЦЕССА НА БАЛУ») Ф. ГРУБИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. ЛАНДМАНА: К ОСОБЕННОСТЯМ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

С. Балкова

Университет им. Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика

Рассмотрены некоторые особенности перевода на русский язык чешской поэзии, предназначенной для детей. Для анализа взято стихотворение известного чешского поэта XX в. Франтишка Галаса «První pohádka (Princezníčka na bále)» в переводе Михаила Ландмана («Принцесса кораллы свои потеряла»). Выявлены такие особенности перевода, как использование большего, чем в оригинале, количества идиоматических выражений, более развернутое и конкретизированное описание пространства и образов персонажей, сохранение имени чешского героя Гонзика, соответствующего русскому Иванушке-дурачку, передача основной (иронической) модальности стихотворения.

Ключевые слова: русско-чешские литературные связи, детская поэзия, художественный перевод, Ф. Грубин, М. Ландман.

Перевод является одним из важных видов деятельности в сегодняшнем глобализованном мире. В. С. Виноградов в своей работе «Введение в переводоведение» приводит следующую дефиницию: «...перевод определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка», а также «результат этого процесса – текст устный или письменный» [1].

Перевод художественной литературы, особенно стихотворений, отличается от других видов письменного перевода. В первую очередь межъязыковые преобразования необходимы здесь чаще, чем в других видах перевода. По утверждению Йиржи Левы, авторитетного чешского исследователя, автора работы «Искусство перевода», перевод поэзии отличается тем, что «строительной единицей» в нем является отдельный мотив, образ [2]. В случае рифмованной поэзии ситуация еще сложнее: переводчик часто вынужден делать отношения между мыслями свободнее, так как слова в языке перевода в своих семантических значениях в большинстве случаев не обладают звуковой гармонией, какая проявляется в них в исходном языке [2, с. 225–232]. Также смысловая насыщенность исходного языка и языка перевода может быть разной, поэтому переводчик вынужден прибегать к сокращениям, «размазыванию» [2, с. 232–236] или другим трансформациям. Переводческие трансформации или межъязыковые преобразования необходимы в течение перевода в связи с несоответствием двух разных языков [3, с. 189–226].

В большинстве славянских народов (кроме польской) действует силлабо-тоническая система стихосложения. Однако чешская поэзия наиболее силлабическая из славянских языков [2, с. 257–

262], что вызывает значительные затруднения перевода чешской поэзии на русский язык.

Отдельно нужно сказать о специфике детской поэзии, которая должна быть учтена при переводе. В первую очередь это выбор лексики. В детском стихотворении должны находиться слова, легко рождающие образ, стимулирующие воображение, но одновременно необходимо употреблять выражения, близкие ребенку, понятные ему. Это не значит, что переводчик должен ограничивать словарный запас, ведь ребенок посредством чтения учит новые лексемы, но слова должны быть более конкретными. Во-вторых, важно обращать внимание на синтаксис, структуру предложения: она должна быть доступна детскому восприятию. Исходя из предпосылки, что детская поэзия читается вслух, стихотворение должно приятно звучать, в нем должны органично сочетаться богатство языковых средств выразительности и наполненность смыслом. Важную роль в детской поэзии играет интонация и фразирование [4, с. 153–157].

Анализ чешско-русских литературных связей в области детской поэзии позволяет констатировать, что произведения целого ряда чешских поэтов XX в. знакомы российским читателям по переводам. Популярностью пользуется игровая поэзия, предполагающая использование приемов языковой и культурологической игры (а это, в свою очередь, осложняет перевод). К поэтам, стихотворения которых переведены на русский язык, относятся: Франтишек Галас (1901–1949), Франтишек Грубин (1910–1971), Ладислав Дроржак (1920–1983), Мирослав Флориан (1931–1996), Витезслав Незвал (1900–1958), Йозеф Кайнар (1917–1971). Их произведения помещены сборники, например: «Все наоборот» (1993) под редакцией Г. Кружкова, озвучен-

ная В. Абдуловым аудиокнига по изданию 1978 г. «Спросил пан у пана», сборник «Неслыхано-невидано» (1976), составленный С. Пахомовской и др.

Для анализа взято стихотворение Франтишека Грубина (1910–1971)¹ «Первая сказка» в переводе Михаила Хаимовича Ландмана² (1931–1997) под названием «Принцесса кораллы свои потеряла».

«Первая сказка» – одно из самых известных стихотворений среди детей в Чешской Республике. Впервые была опубликована в сборнике «Špalíček pohádek» (Шпаличек (*бочонок/чурочка*) сказок) в 1950-е гг. Особой популярностью пользуется из-за своего быстрого, веселого и легко запоминаемого ритма и смешной обработки классического сказочного сюжета. В данной работе представлен анализ смысловых изменений и коррекции образостроения в процессе перевода «Первой сказки» на русский язык М. Ландманом.

Для сопоставительного анализа оригинала и перевода был сделан подстрочный перевод:

Для обозначения переводческих приемов использована классификация Л. С. Бархударова, приведенная в работе «Язык и перевод» (1975).

Сопоставительный анализ оригинала и перевода позволяет говорить об использовании конкретизации, под которой понимается «замена слова или словосочетания исходного языка с более широким референциальным значением словом или словосочетанием языка перевода с более узким значением» [3, с. 209].

В анализируемом переводе конкретизация имеет место в нескольких строках. 1. В чешском оригинале все происходит на балу и уже не указывается, каков тот бал. В переводе бал определяют прилагательные «большой» и «дворцовый». Функционально изменение служит визуализации для детей образа бала. 2. В оригинале король угрожает Гонзика, но не конкретизирует наказание за невыполнение задачи. Используется чешский фразеологизм «mít na mále», который выражает то, что человек

František Hrubín	Подстрочный перевод:	Перевод М. Ландмана
První pohádka	Первая сказка (Принцесса на балу)	Принцесса кораллы свои потеряла
Princeznička na bále poztrácela korále. Její táta, mocný král, Honzíka si zavolal: «Honzíku, máš namále, přines nám ty korále!» Honzík běžel za horu, nakopal tam bramborů. Vysypal je před krále: «Nesu vám ty korále, větší už tam neměli, ty snědli už v neděli.» [6, с. 7].	Принцесса на балу Потеряла кораллы. Ее папа – могучий король Гонзика к себе позвал: «Гонзик, ты под угрозой, Принеси нам те кораллы!» Гонзик бежал на гору Накопал там кучу картофеля. Он высыпал их перед королем: «Несу вам те кораллы, Больших у них уже не было, Те уже съели в воскресенье»	Принцесса кораллы свои потеряла Во время большого дворцового бала. Король скуповатый об этом узнал, Позвал к себе Гонзика и приказал: – Найди мне кораллы любой ценою, Иначе расстаться тебе с головою! Помчался на поле усердный слуга, Нарыл там картофеля два сапога. Вернулся и высыпал их перед тронem И так обратился к монарху с поклоном: – Вот ваши кораллы: крупнее там нет! Все крупные подали вам на обед! [7, с. 91].

¹ Франтишек Грубин – чешский, поэт, драматург, сценарист и переводчик с французского языка. Он родился в Праге, работал в библиотеке и в Министерстве информации. В 1946 г. решил стать профессиональным писателем, был одним из основателей известного чешского журнала для детей «Mateřídouška» (Чабрец) [5].

² М. Ландман родился и провел детство и юношество в Восточной Европе (Польша, Литва); в годы Великой отечественной войны был в эвакуации в Урало-Сибирском регионе; после войны жил в Вильнюсе, с 1955 – в Москве; эмигрант четвертой волны; последние годы жизни прожил в Израиле. Переводил детскую литературу с румынского, чешского, польского языков, в том числе «Академию пана Кляксы» и «Путешествия пана Кляксы» Яна Бжехвы, стихотворения Юлиана Тувима, Франтишека Грубина. Более известен в России как автор стихотворения «Экспресс времен» / «Сиреневый туман», положенного на музыку.

находится в опасном положении без уточнения угрозы. В переводе использован фразеологизм «расстаться с головою», который, хотя и имеет общее значение наказания, выражает конкретную угрозу.

Помимо конкретизации имеют место лексические замены, меняющие характеристики персонажей и, следовательно, влияющие на трансформацию их образа и трактовку стихотворения в целом. В частности, меняется характеристика короля в третьей строке. В чешском оригинале король – могучий («Ее папа – *могучий* король»), и с тем связано его поведение в отношении Гонзика: король своим поручением проявляет свою власть, показывает Гонзика что он – король, и Гонзик обязан ему служить. В

переводе Ландмана король – скуповатый («Король скуповатый об этом узнал»), это меняет его отношение к принцессе и потерянным кораллам. В чешском оригинале не уточнены причины желания короля вернуть кораллы, но соседство строк о потере принцессой украшения и его приказом Гонзику позволяет предположить, что он хочет кораллы вернуть для принцессы, чтобы утешить дочь. В переводе же король жалеет потери драгоценных кораллов, его действия обусловлены скупостью.

С одной стороны, замена прилагательного «могучий» на «скуповатый» может быть объяснена требованиями силлаботоники: для сохранения стихотворного размера (амфибрахия) нужно было слово с ударением на третьем слоге. С другой стороны, отношения между королем и Гонзиком как в чешской, так и в русской культуре архетипически восходят к отношению короля/царя и слуги в социально-бытовых сказках. Для русского инварианта скупость богача, представителя власти – традиционная характеристика. Замена одного прилагательного влечет коррекцию трактовки финала стихотворения: в чешском оригинале Гонзик, принося вместо драгоценностей картофель, одурачивает короля: подчиняясь формально его указу, он дерзает его не выполнить. В русскоязычном переводе король также одурачен, но акцент сделан на неосуществлении его желания вернуть утраченное богатство. Несомненно, в русскоязычном переводе используется более негативная, чем в оригинале, коннотация «скуповатый», что, вероятно, может быть объяснено разницей в культурных традициях сатирического изображения представителя власти / богача.

Интересным представляется также то, что переводчик оставил имя главного персонажа – Гонзик. Гонзик (Honzik, Honza, Hloupý Honza) – классический чешский сказочный персонаж, наличие данного имени в чешском стихотворении не случайно, так как в стихотворении использован классический сюжет сказки – Гонзик выполняет приказ короля, чтобы каким-то способом спасти принцессу. Чешскому Гонзику в русской культуре отвечает Иванушка-дурачок из социально-бытовой фольклорной сказки: Гонзик также именуется глупым (Глупый Гонза), однако в итоге он одурачивает остальных. Имя собственное в данном случае можно отнести к безэквивалентной лексике, которую можно переводить посредством переводческой транслитерации и транскрипции, или трансформационного перевода [3, с. 74–106], когда реалию, слово заменяют на эквивалент в другой культуре. Но в данном случае переводчик не воспользовался напрашивающейся возможностью трансформации и оставил прежнее имя, используя транслитерацию. Это связано, вероятно, с тем, что при замене на Ивана-дурака пришлось бы менять именование

остальных персонажей (короля – на царя и т. д.). Во-вторых, возможно, переводчику импонировали возможные ассоциации в русском языке с именем Гонзик (суффикс «-ик» указывает на то, что это кто-то маленький, а Гонзик в целом из-за созвучия ассоциируется с гонщиком: так поддерживается семантика маленького шустрого слуги, каковым и выступает чешский Гонзик).

Отдельной проблемой перевода являются фразеологизмы, так как они также относятся к безэквивалентной лексике. Некоторые из них существуют в почти неизменном виде в обоих языках, для некоторых необходимо искать схожие по смыслу фразеологизмы. В чешском оригинале данного стихотворения находится только один фразеологизм, в пятой строке «Honzíku, máš namále». «Mít namále» значит находиться в опасности, под угрозой чего-либо. В русском можно найти близкие по смыслу идиомы «попасть в самое пекло», «не снести головы», хотя они в полной мере не соответствуют значениям чешского оборота. М. Ландман в своем переводе заменяет чешский фразеологизм более конкретным, выражающим угрозу «расстаться с головою».

Кроме того, переводчик насыщает свой текст устойчивыми выражениями: «любую ценою» (4 строка), «расстаться тебе с головою» (5 строка), «усердный слуга» (6 строка), «обратился к монарху с поклоном» (9 строка), чего нет в оригинале. Используя идиомы, формулы из народной сказки, переводчик приближает текст чешского стихотворения к традициям русской народной словесности.

Отметим, что в переводе увеличилось количество слов стихотворения почти в два раза (в оригинале 43 слова, в переводе 67 слов). Это при том, что языки оригинала и перевода принадлежат одной группе языков (славянской), то есть имеют сходство в лексике и синтаксисе. Очевидно, что переводчик сознательно творчески трансформирует исходный текст, прибегая к приемам конкретизации, усиления образности стихотворения за счет дополнительных описаний, эпитетов, фразеологизмов.

Одной из важнейших тем переводоведения является эмоциональная окраска стихотворения-оригинала и иноязычной версии. Как сказано выше, чешское стихотворение обрабатывает классический сказочный сюжет, главным персонажем которого является Гонзик, выполняющий какую-либо задачу для короля с целью спасти принцессу. Но сказка в стихотворении Ф. Грубина имеет неожиданную развязку – Гонзик вместо кораллов принес картофель. И такой финал принципиально двояко трактуется. С одной стороны, чешский Гонзик – «Глупый», поэтому, возможно, что он поступил таким способом из-за своей наивности, непонимания важности поручения. С другой стороны, глупость

у данного сказочного персонажа только маска, за которой скрывается ум, смекалка, хитрость. Поэтому поступок Гонзика можно понимать как способ насмешки над королем, его властью, а также, учитывая угрозу произнесенную королем, способ проявления храбрости героя. Как и оригинал, перевод поддерживает ироническую модальность финала, но она еще больше усиливается за счет конкретизации, использования дополнительных образно-лексических средств. Так, в русскоязычном переводе подчеркивается усердность Гонзика, о которой не говорится в оригинале, как и Гонзик у Грубина не назван слугой. В русском переводе: «Помчался на поле усердный слуга». Но усердие (усиленное глаголом «помчался») оборачивается неверным выполнением поручения, хотя при этом Гонзик у Ландмана подчеркнуто соблюдает этикетные правила по отношению к королю:

*Помчался на поле усердный слуга,
Нарыл там картофеля два сапога.
Вернулся и высыпал их перед тронем*

И так обратился к монарху с поклоном:

– Вот ваши кораллы: крупнее там нет!

Все крупные подали вам на обед!

От соединения усердия и невыполнения данного поручения рождаются дополнительные иронические оттенки, хотя в целом отношения Гонзика и короля и соответствуют финалу в чешском варианте и напрямую соотносятся с русской фольклорной традицией: выказывающий усердие Иван-дурак остается при своих интересах, а представитель власти или богач – одурочен.

Таким образом, анализ одного перевода чешского стихотворения на русский язык позволил увидеть как сходство в двух культурах, так и отличия, обусловившие переводческие решения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005а(р) «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX–XXI веков для детей и юношества».

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы. М.: Изд-во Ин-та общ. сред. образования РАО, 2001. 224 с.
2. Levý, Jiří. Umění překladu. 3. Praha: Ivo Železný nakladatelství a vydavatelství, spol. s.r.o., 1998. 386 s.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Daneš F. Na okraj dětské literatury. Naše řeč. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 1950, 34. (7.–8.), 153–157 [cit. 2016-10-16]. Dostupné z: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4197>
5. Opelík Jiří, Kateřina Bláhová. František Hrubín. Slovník české literatury po roce 1945 [online]. ÚČL: AV ČR, in Sophy, Studio Vémola, 2011, 1 [cit. 2016-10-16]. Dostupné z: <http://www.slovnikeskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=337>
6. Hrubín F. Dvakrát sedm pohádek. 9. vyd, v Albatrosu. Praha: Albatros, 2007. Klub mladých čtenářů (Albatros). 139 s.
7. Кружков Г. М. Все наоборот: Небылицы и нелепицы в стихах, 2-е изд., исправл. М.: Просвещение, 1993., 190 с.

Балкова Сара, магистрант, университет им. Палацкого (ул. Křížkovského, 8, Оломоуц, Чешская Республика, 77147).
E-mail: balkova.sara@gmail.com

Материал поступил в редакцию 18.11.2016

DOI 10.23951/1609–624X-2017-2-97-101

THE FIRST FAIRY TALE (“PRINCESS AT THE BALL”) BY FRANTISEK HRUBIN AS INTERPRETATION OF MIKHAIL LANDMAN: ABOUT THE SPECIFICS OF TRANSLATING CZECH CHILDREN POETRY TO THE RUSSIAN LANGUAGE

Sara Balkova

Palacky University, Olomouc, Czech Republic

The aim of this work is to discuss some specifics of translating Czech children poetry to the Russian language. For the analysis were chosen the poem called “První pohádka (Princeznička na bále)” (The First Fairy Tale; Princess at the Ball), written by well-known Czech poet František Hrubín, and its translation “Принцесса кораллы свои потеряла” (The Princess Who Lost Her Beads) by Mikhail Landman. The analysis exposed the specifics of the translation such as: more phraseological and idiomatic expressions than in the original poem and more developed and concrete description of the places and characters. More specific descriptions of the places could lead to activation of imagination in child mind. The increase of phraseological and idiomatic expressions is justified by the adaptation of the Czech poem into the structure of traditional Russian national literature. The name of the Czech protagonist “Honzik”

corresponding to the Russian Ivanushka-Durachok and the basic ironic modality of the poem were not altered in the translation. The translator may have left the original names for one of two reasons: either to avoid the necessity of changing the names of other characters, leading to a monolingual structure of the translation, or to create an opportunity for the Czech names to obtain new associations of their own in the Russian language. The ironic undertone of the poem's finale is kept in the translation but it is presented by different means.

Key words: *Czech-Russian literature connections, children's poetry, literary translation, F. Hrubin, M. Landman*

References

1. Vinogradov V. S. *Vvedeniye v perevodovedeniye: obshchiye i leksicheskiye voprosy* [Introduction to the translation studies: general and vocabulary issues]. Moscow, Izdatel'stvo instituta obshchego i srednego obrazovaniya RAO Publ., 2001. 224 p. (in Russian).
2. Levý Jiří. *Umění překladu*. 3. Praha: Ivo Železný nakladatelství a vydavatelství, spol. s.r.o., 1998. 386 p.
3. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation: Problems of general and specific theory of translation]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1975. 240 p. (in Russian).
4. Daneš F. *Na okraj dětské literatury. Naše řeč*. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 1950, 34. (7.–8.), 153–157 [cit. 2016-10-16]. Dostupné z: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=4197> (accessed 16 October 2016).
5. Opelík Jiří, Kateřina Bláhová. František Hrubín. *Slovník české literatury po roce 1945* [online]. ÚČL: AV ČR, in Sophy, Studio Vémola, 2011, 1 [cit. 2016-10-16]. Dostupné z: <http://www.slovnikeskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=337> (accessed 16 October 2016).
6. Hrubín F. *Dvakrát sedm pohádek*. 9. vyd., v Albatrosu. Praha, Albatros, 2007. Klub mladých čtenářů (Albatros). 139 p.
7. Kruzhkov G. M. *Vsye naoborot: Nebylitsy i nelepit'sy v stikhakh* [Everything is the other way round: Fairytales as poems]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1993. 190 p. (in Russian).

Sára Bálková, Palacky University (Křížkovského, 8, Olomouc, Czech Republic 77147). E-mail: balkova.sara@gmail.com